

Кристиан Тиссье. Поиск совершенства.

Перевод интервью,
опубликованного в онлайн-издании Tsubaki-journal.

Кристиан Тиссье не нуждается в представлении.

В восемнадцать лет он уехал в Японию на шесть месяцев, остался там на семь лет и стал одним из самых выдающихся мастеров айкидо.

Он с готовностью согласился ответить на наши вопросы о своей жизни, занятиях и мире айкидо. Предлагаем вашему вниманию откровенное интервью без двусмысленностей и недомолвок.

Вы уехали в Японию в возрасте 18 лет, это было очень серьезное решение для человека такого возраста. (смеется) Давайте оценивать вещи в их контексте. В 68 году происходили знаменательные события.* Впоследствии многие уехали в Катманду, Индию или Мексику. Я также хотел немного попутешествовать прежде, чем продолжить обучение, и решил поехать в Японию. Тогда я уже занимался айкидо и сказал себе, что будет неплохо, если я проведу там полгода. Мои родители были не особенно богаты, поэтому я накопил денег, работая на рынке и грузчиком. Как только у меня появилась нужная сумма, я купил билет на поезд, идущий по транссибирской магистрали. Сейчас это сложно себе представить, но тогда полет на самолете казался невыносимым. Компания Air France выполняла всего один рейс в неделю. Я провел три недели в поезде и прибыл в Токио.

В тот период расстояние действительно означало разлуку, в отличие от сегодняшнего времени.

Случались ли у Вас моменты одиночества?

У меня было несколько сложных моментов, но не слишком много. Возможно, это вопрос возраста и характера. Я был молодым, очень открытым и любопытным. Меня хорошо приняли в Айкикай. В начале было немного странно, потому что люди задавались

вопросом, кто я, что я там делаю. В то время иностранцев было немного. Поэтому парень, который приехал вот так, вызывал любопытство. Дошу смотрел на меня краем глаза и спрашивал себя, кто я — сын дипломата или бизнесмена. Когда я приехал в Японию, французов там было мало. И все те, кто там был, приехали ради будо. У нас было сообщество, в котором все друг друга знали, и мы все занимались карате, дзюдо или кендо. Такого больше нет сейчас, так как даже в айкидо люди мало общаются друг с другом. Все разбилось на группировки, между одними хорошие отношения, между другими плохие. Нас же было настолько мало, что мы встречались везде, и между нами возникла дружба, которая продолжается до сих пор. Все же были и моменты одиночества, их было немного, они есть всегда. Но на самом деле первое время сложнее всего было с материальной стороны. У меня не было денег, потому что я был слишком молод, чтобы вызывать доверие как преподаватель французского языка. Однако мне немного повезло. У меня очень светлые голубые глаза, я был более стройным, чем сейчас, иностранцев тогда было мало, и я много работал в качестве модели. Сейчас, вероятно, так бы не получилось, потому что теперь имеются настоящие профессионалы, однако в тот период я много работал таким образом и благодаря этому смог остаться в Японии. Удача продолжала сопутствовать мне, и я начал преподавать французский в различных учреждениях, пока меня не приняли во француско-японский институт, где я получил должность, которая позволила мне заниматься столько, сколько я хотел, и при этом работать совсем немного.

Обычно японцы смотрят на иностранцев, приезжающих в их додзё, одновременно с подозрением и любопытством. Когда вы почувствовали, что вас приняли?

Действительно, любопытство присутствовало, но в то время я не отдавал себе в этом отчет. Только сейчас, когда я оглядываюсь назад и вспоминаю, как это было, я начинаю кое-что осознавать. Я посещал все занятия. Конечно, потому, что я был этим очень сильно увлечен, но также мне было нечем больше заниматься, так как после приезда у меня не было ни одного су. Я там был по утрам, был в три часа дня, оставался до вечера. Поэтому довольно скоро я завоевал симпатию. В тот период у меня уже был 2 дан, но, честно говоря, уровень у меня был не слишком хороший. (смеется) Я должен был все пересмотреть, однако же я не был новичком, я умел делать страховку, я мог себя защитить. Очень быстро я подружился с учи-деши того времени. С Эндо, Суганумой, Тойодой, которого сейчас уже нет в живых. Также с Ясуно, Миямото, который появился позднее, затем с Осава-сэнсеем, Йокота-сэнсеем. Это был период, из которого вышли главные преподаватели Айкикай настоящего времени. Кроме того, я много работал с тем, кто занимался с белым поясом — с Моритеру Уэсибой. Довольно быстро его отец взял меня под свое крыло, вместе с Ямагучи-сэнсеем. Позднее Дошу начал выбирать меня в качестве уке, один раз в неделю, затем два и через год я был одним из его главных уке. Потом на меня также была возложена ответственность за иностранных учеников — это был как бы небольшой знак отличия на моем кимоно. (смеется) Мы все занимались в Айкикай под руководством Дошу, Ямагучи-сэнсея. Не было какого-то определенного момента, который сохранился бы в моей памяти, так все произошло очень естественно.

Считаете ли Вы, что обязательно нужно поехать учиться в Японию?

Это достаточно сложный вопрос. Я считаю, что сейчас это больше не является необходимостью для определенных стран. Например, для Франции, где техника находится на очень хорошем уровне. Однако, начиная с определенного уровня, такая поездка может представлять интерес, если кто-то будет заниматься с Вами. Большая проблема тех, кто едет в Японию, заключается в том, что они мягкие, они могут двигаться, но в их технике никакой конструкции. Если говорить откровенно, то очень часто после их возвращения я не могу сказать, что считаю их технику хорошей. То, как работают учи-деши в Айкикай, совершенно отличаются от того, как работают другие ученики. Их техника очень четкая, так как вне занятий им объясняют, как именно нужно тренироваться. Мне повезло, что

меня взяли под свою опеку Дошу и Ямагучи-сэнсей, а также, что я был другом Саотоме-сэнсея. Я был молод, они меня любили, и я думаю, что они увидели во мне что-то, что им понравилось. Поэтому они не позволяли мне что-либо упустить. Они учили меня так, как учат будущих профессионалов. В большинстве случаев подобного не происходит. Я знаю людей, которые прожили двадцать лет в Японии, с кем приятно заниматься, но у них отсутствует структура, как с точки зрения тела, так и в плане техники. В этом состоит риск, если вы едете в Японию без рекомендаций. Немного тяжело говорить такое, но если у вас нет рекомендаций, то вы — турист. Все идет хорошо, сэнсеи замечательные, они вас выбирают в качестве уке, но они не считают вас тем, кто со временем будет их представлять, и не стремятся сделать ваше обучение достаточно глубоким.

Однако если оставить это в стороне, Айкикай вызывает большой интерес, так как раскрывает сознание в плане техники. Там имеется группа учителей, у каждого из которых своя форма, отличающаяся от других, но тем не менее все они являются правильными. Побывав там, мы больше не можем сказать: «Это так и никак иначе». Когда мы видим, что Осава-сэнсей работает в определенном стиле, а Х или Y работают по-другому, мы понимаем, что одни и те же принципы выражены в разных формах. В то время я переходил от одного учителя к другому без каких-либо стеснений. Сейчас люди привязываются к форме, а не к принципам. Я могу это понять, так как сам прошел через подобное.

На второй день после приезда в Японию я пришел на занятия к Дошу. Я увидел, как он делал ирими-наге, и сказал себе: «Что я здесь делаю? Он переминается с ноги на ногу, то, что он делает — это ерунда». И тут мы понимаем, что образ, который был у меня, мой эталон, то, что я считал хорошим — это было то, что я всегда видел. Я не замечал того, что он был мягким и подвижным. Мои эталоны были ограничены недостатком знаний.

Вы сказали, что посещали все занятия. Считаете ли Вы, что важно увидеть разных преподавателей?

Я вернулся с семинара в Соединенных Штатах, где нас было несколько преподавателей, в том числе Хироши Икеда. Мы с ним одного возраста, мы много занимались вместе в Айкикай хомбу-додзё, но потеряли друг друга из виду. Он разработал форму айкидо, которая действительно очень своеобразная, это его форма. Движения очень короткие, тело немного наклонено. Это не то, что я хотел бы делать на уровне техники, но это абсолютно логично и хорошо работает. Мне было очень интересно и я многому научился, глядя на него, даже несмотря на то, что моя форма отличается. По мере того, как мы начинаем серьезно относиться к обучению, нам становится интересно раскрываться, чтобы понять другие подходы, однако нужно постараться не потерять себя, пытаясь каждый раз интегрировать все, так как мы не можем постоянно менять форму техники и методы тренировки.

Когда вы жили в Японии, Вы занимались кикбоксингом в зале Мейдзиро в Токио. Что Вам это принесло?

В то время у меня был друг, которого звали Лилу Наденичек, он занимался айкидо и карате. Мы были молоды и ходили смотреть поединки по кикбоксингу, который тогда был весьма популярным. И как-то раз мы — все французы, которые занимались боевыми искусствами — решили организовать еженедельные встречи по утрам в воскресенье на лужайке перед французско-японским институтом. Мы решили что все, кто хочет проверить себя, будут приходить сюда, надевать перчатки, нагрудники и биться. Мы быстро заметили, что у каждой дисциплины есть свои преимущества и пробелы.

Однажды мы с Лилу решили сходить в зал. Мы попали в зал Мейдзиро, но это также мог быть и любой другой. Когда мы пришли, там занимались два парня — Шима, чемпион

Японии, и Фудзивара, который был самым сильным бойцом в то время. Позже пришел Куросаки, один из лучших бойцов Киокушинкай. Это было довольно смешно, потому что мы пришли посмотреть на Шиму. Он сидел за столом и спросил нас, что мы хотели. Конечно, нужно было видеть обстановку. Нам следовало войти, прокричать «ос!», снять обувь, пальто, подойти, подождать, пока с нами заговорят. Целый ритуал. Так как мой друг ходил на каратэ, к счастью, он все это знал. Шима спросил нас: «Что вы хотите?». Мы ответили, что хотели бы записаться. «Вот как? Зачем?». Потому что мы хотели бы немного позаниматься. «Вот как, вы американцы?» И так в течение четверти часа он нам задавал вопросы, которые не имели смысла. И каждый раз – зачем, зачем? В какой-то момент я посмотрел на Лилу и сказал ему: «Он идиот или как?» На самом деле он не понимал, что мы собирались там делать, он не мог себе представить, чем мы могли там заниматься. Сейчас времена изменились, и такое уже возможно никого не удивит. Он поставил нас перед зеркалом, показал нам пару движений и вернулся к своему столу. Через полчаса мы сказали себе, что он должен нам показать что-нибудь другое, и остановились. Он крикнул нам: «Э-эй!» и сделал знак продолжать. Мы вернулись на следующий день, и так все началось.

Я полагаю, что атмосфера там весьма отличалась от той, которая была в Айкикай. Атмосфера там была весьма специфической. Когда мы приходили, мы начинали мыть пол, даже если парни, которые собирались уходить, только что это сделали. Затем мы должны были прокричать: «Оз, кейко онегаи шимасу!» Потом мы прыгали со скакалкой, занимались с грушей, иногда он приходил, чтобы объяснить нам кое-что, иногда – нет. В конце концов между нами возникли дружеские отношения, особенно с Фудзиварой, который оказался действительно весьма и весьма замечательным человеком. Артист – никто кроме него не мог делать то, что делал он. Мы посещали соревнования, участвовали в турнирах, иногда устраивали бои. Это позволило мне осознать, что убивают не ударом ноги или кулака, позволило сравнить, понять, что, как говорил Шима, только груша не вернет удар, что даже если противник слабее, мы никогда не знаем наверняка. Это дало мне определенную уверенность. Кроме того, мне это очень сильно помогло после возвращения во Францию. У меня был друг, Жан-Пьер Лаворатто, который тренировал команду Франции по каратэ. Однажды я к нему пришел, и он меня представил, сообщив, что я буду вести занятия по айкидо. Я начал приходиться и тренироваться с ними каждое утро. Я им показывал приемы, и они меня уважали как айкидоку. Я принимал удары, и я их наносил.

Помогло ли Вам в кикбоксинге то, что вы занимались айкидо, или совсем нет?

По началу это наоборот мешало, потому что я слишком стремился уклоняться от ударов. Что мне помогло, так это кендзюцу. В школе Касима-син-рю наносят прямые удары с очень быстрым входом, и мне это очень помогало. Я вставал в стойку, похожую на ваки-камаэ, и наносил удары так, как работают с мечом. Я так нокаутировал многих. (смеется) Что касается айкидо, то благодаря этому я лучше, чем кикбоксеры, воспринимал определенные вещи. Например, я лучше мог предсказать траекторию маваси-гери.

В чем с Вашей точки зрения заключается специфика айкидо, что отличает его от других видов единоборств?

Есть несколько отличительных моментов. Во-первых, имеется образовательный аспект. Айкидо — это система обучения, в основе которой лежит боевое искусство.

Также имеется техническая сторона. В айкидо существуют принципы и качества. Качества – это больше врожденное, тогда как принципы – приобретенное. Рефлексы представляют собой качество, они у нас есть – тем лучше, нет – тем хуже. Шисей же наоборот – это принцип. Восприятие, верная дистанция (маай), которую мы соблюдаем –

это принцип. Поиск максимальной эффективности при минимальных усилиях – это принцип. Для того чтобы айкидо работало, необходимо присутствие всех этих принципов. Чем их больше, тем более совершенна техника. Важный момент, отличающий айкидо от большинства боевых искусств, заключается в том, что все принципы являются необходимыми элементами техники, и их нельзя заменить разработкой качеств. Мы не можем удовлетвориться техникой, которая примерно работает благодаря физическим качествам, таким как сила или скорость.

И, наконец, нравственный аспект. Нишио говорил, что айкидо — это Юрису Будо, Будо прощения. И именно в этом, больше, чем во всем остальном, заключается специфика айкидо. В понятии уважения целостности. Своей собственной, разумеется, но я говорю, прежде всего, о целостности партнера.

В айкидо мы стремимся добиться чистоты движений в условиях ограничений, которыми выступают в отношении наших высоких усердений атаки партнеров. Даже при том что все основные будо нацелены прежде всего на самозащиту, идея о защите также и партнера присуща только айкидо.

Считаете ли Вы, что работа с оружием является неотъемлемой частью занятий айкидо? По-существу нет. Однако я более подробно раскрою свое мнение. В Айкикай, как вы знаете, нет занятий с оружием, точка. Там есть боккены, для тех кто может захотеть немного поработать над субури, но этим занимаются не слишком много и избегают работы в парах. Однако меня всегда интересовал дух работы с мечом, этот прямой, не круговой способ входа, характерный для кендзюцу. И у меня была возможность позаниматься кендзюцу у Инаба-сэнсея в Сисейкан-додзё. Однако я не считаю, что тренировки с оружием обязательны для айкидо. Такие занятия могут быть полезными, когда они проходят в игровой форме и имеют целью приобретения навыков работы на другой дистанции. Однако то же самое можно сказать о боксе и других видах единоборств, в которых есть удары ногами и руками. Это помогает, привносит кое-что, это интересно, но не является сущностью айкидо. Во время своих недельных семинаров я всегда провожу занятия с оружием, так как они интересны многим, но это лишь дополнение, это не является необходимостью. Практика может включать занятия с оружием, однако также можно найти людей, которые никогда в жизни не работали с боккеном, но выполняют техники айкидо с точно такими же ощущениями.

По Вашему мнению, должна ли происходить эволюция форм и техник айкидо?

Да, как и всё остальное, айкидо, которое не развивается – это мертвое айкидо. В айкидо базовыми техниками являются ката. Все должны знать эти основы. Далее идет применение. И здесь уже есть люди, которые будут двигаться все дальше и дальше. Которые будут создавать, изобретать, у которых появятся более точные представления, и которые будут их развивать. Я думаю, что именно поэтому О-сэнсей никогда не говорил, что айкидо сформировано окончательно. Я нахожу необыкновенным то, что такие люди, как Ямагучи-сэнсей, привнесли в айкидо в плане свободы. Если, как некоторые, исходить из принципа, что «мой учитель был лучшим, и я являюсь лучшим после моего учителя, но вы всегда будете немного хуже, чем я», то мы заходим в тупик, это не имеет никакого смысла. Нужно очень точно соблюдать базу и принципы, но все меняется, это естественный процесс, и нет никаких причин, почему айкидо не должно ему следовать.

По-вашему, есть ли какие-то основы, которые должны оставаться неизменными?

Неизменным и первостепенным является поиск принципов, чистота движений и чистота в сердце. Техники в конечном итоге не являются неизменными. Необходимо понимать где находится предел, после которого та или иная техника или метод тренировки уже

неэффективны. Можно представить, что однажды мы найдем другие техники, другие формы работы, позволяющие также хорошо или даже лучше развивать искомые качества или принципы.

Как Вы думаете, должен ли возраст вносить изменения в занятия айкидо?

Мое айкидо – это моя жизнь. Занятия доставляют мне все больше и больше удовольствия, все сильнее воодушевляют. Но на самом деле, я хорошо ощущаю, что у меня больше нет тех качеств, которыми я обладал в двадцать лет, и это естественно. Однако я считаю, что если наши занятия основаны именно на разработке фундаментальной техники и принципов, то можно верить в эффективность, сохраняющуюся с течением времени. Ошибка заключается в нежелании стареть и стремлении к тому, чтобы остаться на уровне, когда практика основана на физических качествах, однако они неизбежно будут ослабевать. Бывают дни, когда я в форме, тогда я принимаю две таблетки аспирина, тренируюсь как в молодости, очень много двигаюсь, делаю высокие страховки, действую с силой, однако на следующее утро за всё это приходится расплачиваться. (смеется) Наоборот, при точной технике мы не теряем скорости. Мы совершенствуемся, учимся на опыте начинать действие в нужный момент с минимальными усилиями. Именно это позволяет достичь еще большей эффективности по мере того, как мы становимся старше.

Вы очень много путешествуете.

Замечали ли Вы, чтобы культурные отличия отражались на занятиях айкидо?

Одной из часто возникающих проблем является поклон на коленях. Как вы знаете, в мусульманских странах на колени опускаются только перед Аллахом. Это имеет очень большое сходство с японским поклоном, в связи с чем многие мусульмане, занимающиеся айкидо, не делают его. Например, когда я приезжаю в Алжир, я зачастую оказываюсь единственным, кто делает поклон. Это непростая ситуация, так как очень сложно заставить их понять, что речь идет всего лишь о том, чтобы осознать длинную цепочку передачи знания, которая была до нас. Среди моих учеников есть мусульмане, которые не делают поклон. Меня это не слишком беспокоит, однако я считаю, что это вызвано неправильным пониманием смысла этого действия. Иногда я задаюсь вопросом, чтобы они делали, если бы поехали в Японию. Они могли бы попасть в небольшое додзё, где сэнсей бы понял ситуацию, но, например, в киокусинкай, их бы выставили за дверь, предварительно отколотив. И наоборот, мы можем встретить учеников из Западных стран, которые никогда не были в Японии, но делают синтоистское приветствие, какого не делают даже в Айкикай хомбу-додзё. Для меня в поклоне заключены две функции. Во-первых, как я уже говорил ранее, это выражение благодарности всем тем людям, которые являлись звеньями цепи передачи знания до нас. Также это помогает привести в порядок свое тело и сознание. Это подготовка к занятию. В Айкикай мне приходилось часто входить и выходить из Додзё по той или иной причине. Иногда случалось, что я возвращался, например, за боккеном и делал поклон несколько поспешно. Тогда я говорил себе: «Положи боккен, войди еще раз и сделай поклон должным образом». Это также помогает не позволять себе распускаться.

Что означает для вас Ки?

Жизнь, дыхание жизни, которое есть все. Проблема, возникающая здесь, связана с течением Ки. Если Ки не течет естественным образом, это означает, что мы больны.

Выполняете ли Вы какие-то упражнения, аналогичные тем, что присутствуют в цигун?

Я испытываю огромное уважение к цигун, тай-цзи. Однако я думаю, что цель заключается в течении Ки, и что айкидо позволяет достичь этого в другой форме, которая является достаточной.

Как бы Вы охарактеризовали в нескольких словах следующих мастеров:

Морихэй Уэсиба.

Я бы сказал, что это человек, опередивший свое время, идеи которого принадлежат будущему.

Киссёмару Уэсиба.

Почитаемый и высоко принципиальный, тот, благодаря кому мировое айкидо является таким, какое оно есть сегодня. Тот, кто согласился занять второе место, кто был предметом споров, кто стал преемником. Для меня это истинный образ ответственности. Другие не были настолько замечательными. Все остальные, если говорить открыто. Сегодняшние мастера айкидо – они не являются учениками только О-сэнсея. Прежде всего, они ученики Киссёмару. Совсем не О-сэнсей в возрасте семидесяти лет учил их делать страховку, показывал им, как делать иккё, никкё... Несомненно, тот факт, что они знали О-сэнсея, придает им большую значимость, но их настоящим учителем был Киссёмару. Также благодаря Киссёмару сформировалось хорошее представление об айкидо, это он способствовал его развитию. Он был полностью предан своему делу. Я могу говорить об этом, так как в 1980 году, когда проходил первый всемирный конгресс Международной федерации айкидо (FIA) в Париже, присутствовали Осава-сын, Моритеру и я. Мы трое были его уке. Мы были с ним в раздевалке, и когда он переодевался, мне показалось, что после операции он едва ли весил сорок килограмм. Когда же он вышел на татами, он был преисполнен достоинства, это было великолепно. У него было послание, которое он должен был передать, и он пришел. Никто другой не смог бы этого сделать. Я испытываю огромное уважение к мастеру, которого слишком долго недооценивали.

Моритеру Уэсиба.

Я возлагаю на него большие надежды, так как он хороший айкидока, обладает интеллектом и современными взглядами. Ситуация для него складывается также не самым простым образом, но он хорошо умеет преодолевать препятствия и приобретает все больше и больше уверенности. Он уважает стариков, но принимает решения самостоятельно. Часто его недооценивали, как и его отца, но я много работал вместе с ним и знаю, что на него можно положиться.

Коичи Тохей.

Ах, Коичи Тохей — это особая тема. Мне бы хотелось сейчас провести несколько занятий вместе с ним. Было время, когда мне не нравилось то, что он делал, так как у меня было впечатление, что он насмехается над нами. Я ходил на его занятия, пока он был в Айкикай, но этот подход: «Вытяните руку. Вы видите, что я могу ее согнуть. Подумайте о своей ки. Вы видите, что я больше не могу согнуть вашу руку», меня не устраивал, так как я знал, что это не было правдой. Тем не менее, это один из сильнейших мастеров, в этом не может быть никаких сомнений.

Сейго Ямагучи.

Гений среди гениев, универсальный человек редкого ума, что признают все.

Нобуёси Тамура.

Низкий поклон за всю ту работу, которую он проделал в Европе. И огромное уважение за его технику. Правда у меня часто возникает чувство, что он находится в плохом окружении.

Масамичи Норо.

Исключительный человек. Я никогда не занимался у мастера Норо, так как был учеником Наказоно сэнсея, а между ними существовало некоторое соперничество. Однако сегодня мы являемся друзьями, действительно очень хорошими друзьями. Он даже как-то сказал Дошу: «Нужно дать Кристиану 8 дан!» (смеется) Исключительный жизненный путь. Когда мы видим, какие происходили несчастные случаи, как он после них возвращался, и что он сделал, это просто потрясает. Он создал собственную систему, но я думаю, что в основе его приемов лежит айкидо. Это человек, который думает об одной единственной вещи, и он мне постоянно об этом говорит — это семья Уэсиба. Это некровное родство. Совершенно исключительная личность.

Морихиро Сайто.

Я посещал его занятия по воскресеньям, когда он преподавал в Айкикай, но его я знал совсем мало. Я испытываю огромное уважение к нему, великолепная техника, конечно же. Просто мне бы иногда хотелось, чтобы некоторые из его учеников были бы немного менее консервативными. Это верно, что Сайто сэнсей думал, что именно он был прав, но ведь все сэнсеи, которых я знал, думали, что они правы! (смеется) В апреле я буду проводить семинар по айкидо в США по приглашению Патрисии Хендрикс. Она очень открытый человек, ее весьма динамичное айкидо построено на базе, которую ей вдалбливал Сайто сэнсей. К сожалению, очень часто работа учеников Сайто сэнсея кажется мне очень точной, но слишком статичной.

Мицуги Саотоме.

Очень хороший друг, мы провели вместе много времени. Я очень много занимался у него индивидуально, в особенности, с дзё. Вся моя техника работы с дзё была получена от него. С моей точки зрения его айкидо — одно из самых красивых на уровне форм. Однако в какой-то момент у меня произошел некоторый разрыв в отношениях с ним, так как он перестал заниматься айкидо, он потерялся в процессе поиска. Он заставлял делать котегаэши от чудан цуки ногой и другие подобные вещи. Однако он снова нашел свой путь, и когда он делает технику айкидо — она лучшая.

Казуо Чибя.

Очень привлекательная личность, исключительная техника. Однако занятия иногда оставляют впечатления излишней жестокости.

Ваше самое приятное воспоминание, связанное с айкидо?

Самое приятное мое воспоминание является в тоже время и самым печальным — это день, когда я получил 7 дан от Дошу. Это очень трогательное воспоминание. Он пригласил меня к себе. Нас было четверо: он, его сын Моритеру, мой сын и я. Ему были вставлены интубационные трубки, мы провели вместе немногим меньше часа, и я знал, что вижу его в последний раз. Сам по себе 7 дан не имел значения. К тому времени я уже давно знал, что однажды буду 7 даном. Приятно было получить признание, знать, что да, действительно человек с запада может стать настоящим 7 даном. Когда я говорю «настоящий», я имею в виду дан Айкикай, а не 7 дан какой-нибудь группы, которая сама себе выдает дипломы.

Самый смешной случай, который Вы можете вспомнить?

Таких случаев было много. Однажды я участвовал в показательных выступлениях вместе с Дошу, и мне пришлось прождать 20 минут, сидя на коленях. В тот момент, когда он протянул руку в мою сторону, чтобы меня вызвать, я попытался встать, но тут же обрушился перед ним, не в состоянии подняться. Мои ноги совершенно онемели. В другой раз на выступлениях был пожилой японец, который за день до этого выпил

немного лишнего. И он не заметил, что когда он надевал хакаму, обе ноги попали в одну штанину! Так и прошла вся демонстрация, это было очень даже неплохо.

Недавно Вы выпустили DVD с новым учебным фильмом. Не могли бы Вы немного о нём рассказать?

Да, я закончил работу на новом диске, который называется «Применения техники». Думаю, что это нечто новое по сравнению с классическим подходом к преподаванию. Фильм состоит из двух частей. В первой, я отхожу от техник, выполняемых в плавной манере. Идея заключается в том, чтобы показать некоторые вещи под новым углом. Во второй части я показываю, как можно работать с такими атаками, как мае-гири, маваши-гири и т.д. При этом я не пытаюсь ловить ногу партнёра, чтобы сделать базовую технику, но предлагаю подход, основанный на уходах и вращениях. Замысел в том, чтобы показать айкидокам, как в нашей системе найти ответы на атаки, часто используемые в современных боевых искусствах, но которыми мы на наших тренировках часто пренебрегаем. Например, в случае с атакой мае-гири решение может заключаться в том, чтобы отвести атаковую ногу и затем провести атаку в лицо партнёра, чтобы вызвать его ответную реакцию, которая позволит сделать коте-гаеши. Не все станут тренироваться подобным образом, но я думаю, что это поможет тем занимающимся, кто теряет, столкнувшись с подобными ситуациями, найти ответы на вопросы, которые постоянно возникают в мире айкидо. Кроме того, сложно заниматься так регулярно в ситуации, когда нехватка времени заставляет нас концентрироваться на фундаментальных техниках. Такая работа требует также освоения этих атак, а часть занимающихся этим не интересуется. Но этот фильм даёт айкидокам средства, необходимые для понимания такого подхода.

Мы благодарим Кристиана Тиссье за ответы и уделенное нам время.

* Имеется в виду социальный и политический кризис во Франции, начавшийся со студенческих акций протеста и вылившийся в демонстрации, массовые беспорядки и всеобщую забастовку.

Перевод Елены Рябовой.

Источник: <http://www.tsubakijournal.com/article-6723847.html>